

„Дело Артамоновых“

(Заключение. Нач. см. на 3-й стр.).

го старика, уже давно потерявшего реальное представление о происходящих вокруг него событиях. В числе наиболее удачно сыгранных эпизодов можно назвать первую картину второго акта. Забота Петра о сыне, его испуг убийством Паши Нахимова и последующий разговор с Тихоном Вяловым являются, пожалуй, одними из самых горьковских сцен в спектакле. Здесь, в этой картине, Засухин, а вместе с ним и режиссер наиболее близки к Петру Артамонову из повести. Здесь многообразнее и актерские краски в то время, как в других эпизодах превалируют главным образом две — возрастная и угрюмая. В целом же игра Засухина впечатляет, дает возможность почувствовать своеобразие горьковского героя.

Достойной партнершей Н. Н. Засухина в спектакле оказалась артистка Л. А. Ливанова, исполнительница роли Натальи. По-своему личная в начале действия, Ливанова полно раскрывает глубокое внутреннее содержание образа. Характер ее Натальи претерпевает большие изменения в ходе развития действия. Мы ясно видим, что Наталью качают хищнические, стяжательские, домогостровские отношения в семье Артамоновых.

Наиболее близкими к выписанному Горьким человеческим характерам оказались в спектакле Илья Артамонов (заслуженный артист РСФСР С. И. Пономарев) и Ульяна Баймакова (заслуженная артистка РСФСР В. Е. Красева). Может быть потому, что именно их сам писатель представил главным образом в ярких по-

ступках, присущих представителям того поколения, которое Горький аттестовал «рыцарями первоначально накопления». Илья и Ульяна Баймакова активно ведут все первое действие, самое цельное и впечатляющее в спектакле. Лихость и размашистость Ильи, его дальновидное панибратство с рабочими отличны передали Пономаревым и счастливо соседствуют с теми глубокими движениями души Ульяны, — в зрелом возрасте встретившей по-настоящему возлюбившего ее человека, показавшей истинную любовь а по-правшей мешанские предрассудки дремлющих, — которые выразила в своей игре Красева.

Говоря о радующих актерских достижениях в «Деле Артамоновых», следует особо остановиться на исполнении артистом М. Г. Лазаревым роли Никиты Артамонова, которому пришлось быть «заступником о делах земных перед богом». И дело здесь не только в том, что Лазарев, так же, как и Засухин, сыграл неожиданную для его актерского профиля роль, причем сыграл ее великолепно. Нам кажется, что Лазарев, единственный из исполнителей ролей трех братьев Артамоновых, попытался осмыслить свою роль в близком к Горькому философском плане.

Интересный рисунок своей роли дает артист В. К. Крутков (Алексей Артамонов). Однако в исполнении его главенствует еще внешнее, если можно так выразиться, «двигательное» начало, за поступками, словами Алексея не чувствуется порождавших их мыслей. Крутков больше действует, как Алексей, нежели живет на сцене его жизнью. «Европеизация»

Алексея в исполнении Круткова выглядит очень неожиданно, хотя она на самом деле порождена глубокими жизненными процессами, в том числе и лично-психологическими. Обставленное за пределами инсценировки влияние общего промышленного развития артист мог бы донести, даже используя имеющийся сейчас в роли Алексея текст. Многие его рассуждения звучат пусто, без вынужденной убежденности.

Сложное отношение и раздумья вызывает в спектакле Тихон Вялов (артист К. А. Девяткин). Ключ к этому образу, по нашему мнению, еще не найден ни исполнителем, ни режиссером. Сейчас на сцене присутствует чудачатый, озлобляющийся, иногда изрекающий афористичные горьковские реплики человек, в конце спектакля вдруг обрadowавшийся возможности свести с Артамоновыми личные счеты. Думается, что характер Тихона Вялова, его место в системе образов спектакля очень нуждаются в дополнительном осмыслении и уточнении. Пока же он наиболее далек от того, что вкладывал в этот образ А. М. Горький.

Есть в спектакле группа персонажей, появляющихся только в последнем акте, связанных с проблемами, которые относятся (условно конечно) к третьему поколению Артамоновых. В связи с тем, что движение сюжета в последнем акте осуществлялось главным образом этими персонажами, весь третий акт воспринимается почти как самостоятельная пьеса. Петр Артамонов отстраняется от активных действий, выбирает после первой картины Алексей, а картина в бударе Подины смешает все происходящее на сцене в

плоскость альковной истории из жизни разлагающейся буржуазии. (Нам думается, что режиссер вообще переусердствовал в смаковании сцен, подобных разыгрывающейся в этом бударе предреволюционной кокетки — безукусны, пошловаты и имитация Паулы Ленотти, и мизансцена Пашуты в гостиничном ямьере Петра Артамонова на ярмарке, и эпизоды с Зинаидой, особенно эпизод в ее доме, далекий от горьковской мотивировки).

Может быть, именно потому, что последний акт очень слабо связан с основными, выпукло уже представленными зрителю героями «Дела Артамоновых», он оставляет менее сильное впечатление, чем предыдущие. Усилия хорошо играющих в этом акте артистов О. Г. Тарасова (Мирон), заслуженной артистки РСФСР В. А. Ершовой (Полина), артиста Б. В. Горохова (Маврин) — не достигают цели. Яков Артамонов, на которого должна была лечь основная нагрузка в преиспещенности темы спектакля, изображается артистом А. В. Чурсановым как жалкий, неумный человек. А ведь актерский замысел здесь мог бы быть значительно глубже, содержательнее.

Из эпизодических ролей нам бы хотелось упомянуть об удачных актерских миниатюрах заслуженного артиста РСФСР В. А. Михайлова (Серафим), артистов А. В. Бургеева (Парадилов), М. А. Виноградовой (Матрена Барская). Именно такие работы создают в спектакле ощущение ансамблевости (что всегда ценно и всегда приятно наблюдать в театре), помогают созданию атмосферы артамоновского окружения, помогают решению темы измечденция и вырождения буржуазной семьи.

Нет ли противоречия в том, что, говоря об оправданном большинстве зрительских надежд, отмечая многие актерские удачи, отмечая ансам-

блеость спектакля, с большой выдумкой поставленного режиссером П. Л. Монастырским (о режиссерских находках можно было бы говорить много), мы акцентируем внимание нашего читателя и театра на имеющихся еще недочетах, на потерях, понесенных повестью Горького «Дело Артамоновых» при этой первой ее инсценировке?

Коллектив Куйбышевского драматического театра сделал большое и нужное дело, осуществив постановку «Дела Артамоновых». Смотря спектакль, мы чувствуем те плодотворные поиски, те большие творческие усилия, ту вдохновенность, которые вложил театр в это свое сценическое произведение. Встреча с горьковским материалом очень желанна для художника, потому что она никогда не проходит бесследно. Мы рады явному росту многих актеров в этом спектакле (в том числе и тех, которым нам пришлось высказать не очень приятные слова, и тех, о которых мы не упомянули совсем), рады новому многообещающему раскрытию творческих возможностей режиссера, рады тому, что у нас в Куйбышеве появились драматург, не побоявшийся взяться за столь сложную задачу, как инсценирование «Дела Артамоновых» и добившийся в этом многого... Хочется верить, что спектаклю «Дело Артамоновых», родившемуся на куйбышевской сцене, суждена долгая жизнь, суждены попутчики и на сценах других театров.

И только желанием видеть этот спектакль мужиком, растущим, приобретающим все больше и больше черт первоисточника, очищающимся от всего лишнего и второстепенного — большим желанием помочь театру и зрителю продиктованы эти строки.

Мы верим в то, что спектакль будет мучать, что его авторы и участники искренне хотят этого.

Вл. КАГАРЛИЦКИЙ.